

СУББОТНИК НГ

АПРЕЛЬ — 2001

Еженедельное приложение к «НГ»

№ 13 (60), 7 апреля 2001 г.

Выходит с января 2000 г.

Анатолий Ткачев

ИЛИПП, говорят, что в детстве родители отвели вас к Ванге, и она предсказала вам «звездное» будущее?

— Правда. Мне было тогда лет семь, и я сильно болел. Предсказание было сделано в завуалированной форме. Я не очень хорошо помню тот случай, но по рассказам родителей выходило, что я буду стоять на вершине горы и махать металлической палкой. Если имелся в виду микрофон, то так и случилось.

— Вы помните свое первое появление на публике?

— В десятом классе мы ставили спектакль «Старший сын» по пьесе Вампилова. Я играл главную роль. Тогда же попробовал спеть. Публика приняла хорошо, мне тоже понравилось — и я понял, что надо учиться вокалу. Закончил училище имени Гнесиных по специальности «актер музыкального театра и эстрады», проще говоря — оперетты. Ну, в оперетте я никогда не работал, но та серьезная вокальная школа, какую я получил, позволяет теперь три часа петь «живьем». Кроме, разумеется, телепрограмм типа «Песня года» или сборных шоу, где все всегда поют под фонограмму — по сугубо техническим причинам.

— У каждого в юности бывают кумиры. Вам довелось встречаться с кумирами своей юности?

— Я рад был встретиться с Энгельбертом Хампердинком. Раньше он обитал у нас в доме в виде пластинок, а потом мы встретились «живьем» в Лас-Вегасе. Я там представлял свою программу «Я не Рафаэль», а у него были параллельные концерты. Я был счастлив, что посетил его шоу, а он — мое.

— Бывают ли у вас неудачи? Расскажите о самой большой из них.

— Неудач у меня бывает довольно много. Но я привык все обращать себе на пользу. Алла в таких случаях говорит: «Я примеряла свои промахи, как брошку на платье». Важно не сидеть и причитать: «Ой, провал... Ой, семнадцатое место на Евровидении...», а делать выводы и идти вперед.

— Кстати, о Евровидении. Вы действительно придаете этому конкурсу такое большое значение? По свидетельству многих зарубежных гастролеров, в Европе его принимают не более чем в шутку.

— Поскольку до нас все доходит с опозданием, теперь в России этот конкурс принимают слишком серьезно. В принципе, любой конкурс — это хорошо: всегда может родиться новая «звезда». Очень жаль, что больше не существует «Юрмала». В этом смысле подобные шоу заменяет программа «Рождественские встречи».

— В Болгарии вас еще не считают национальным героем?

— Я слышал, в Варне туристов водят к дому, где я жил в детстве. Да и в Турции, говорят, устраивают экскурсии по той аллее, где мы снимали клип «Ой, мам, шикадан». Не скрою, это приятно.

— Можно ли сказать, что вы покорили Америку?

— Ни в коем случае. Хотя я записывался на американских студиях, на английском языке... Но там совсем другая ментальность.

— На «Грэмми» не номинировались?

— Нет. Подозреваю, что эта американская награда создана для американцев.

— Чем популярнее артист, тем больше ему достается от аудиопиратов. Как вы защищаетесь?

— К сожалению, в нашей стране защитить себя невозможно. Это всеобщая проблема. Могу лишь подсказать своим потенциальным покупателям, как отличить мои подлинные диски от поддельных. Мои альбомы всегда дорого оформлены: с буклетом, лаковым покрытием, красочной голографией... Понятно, такая продукция и стоит дороже. Я всегда говорил: дешевое хорошим не бывает. Но если в стране семьдесят лет отсутствовала культура шоу-бизнеса, чрезвычайно трудно отучить людей покупать копеечные подделки или кассеты.

— Вы не жалуете, что живете в этой стране?

— Нет. Эта страна дала мне самое главное — возможность самореализоваться.

— Вы когда-нибудь бывали на волосок от смерти?

— Во время давней автокатастрофы. Предвижу ваш следующий вопрос. Конечно, произошла переоценка ценностей. Когда тебе двадцать один год, весь мир кажется созданным только для тебя. А когда воочию осознаешь, как ты хрупок... лишь тогда и начинаешь по-настоящему ценить жизнь. Я сразу повзрослел на много лет.

— С кем вы дружите по жизни?

— Наши друзья — это друзья нашей семьи. Валентин Юлашкин, например. Или известный тележурналист Рома Родин. Мы вместе росли, а теперь он снимает мои шоу-программы, снимал Аллин концерт «Избранное», последние «Рождественские встречи»... Очень важно снять программу должным образом — ведь ее смотрят миллионы, по ней о нас будут судить потомки... Кому же еще я могу довериться? К людям я подхожу с большим отбором, но если кто-то заслуживает мое доверие, то это надолго.

— Как относитесь к завистникам?

— Философски. Раз есть завистники — значит, есть чему завидовать. Вот только плохо, когда для сведения счетов используется пресса. Уже нет газеты «Правда», которая некогда самолично выдавала рецензии, и на другой день после премьеры все с трепетом ждали приговора. Пресса сейчас то ли «желтая», то ли «голубая». Люди смеются, но все равно читают. Жуже всего, когда ты видишь по телевизору, как тебя оскорбляют, и не можешь тут же ответить. Да и потом, когда начинаешь оправдываться... уже сам этот факт выглядит как признание мифической вины. К счастью, телезрители у нас тоже неглупые — и те, кто прибегает к подобным методам, выглядят не лучшим образом.

— А откровенные враги у вас есть?

ОДНОЛЮБ

Филипп Киркоров не устает повторять: хорошее дешевым не бывает

Филипп Киркоров и лучший, по его мнению, музыкант века.

— Ну куда же от них деваться? Раз уж мое творчество кого-то раздражает... Эстрада и скромность — понятия вообще, мягко говоря, малосовместимые. Но если вас интересуют конкретные имена, то они вам ничего не скажут, так что не стоит все-таки их называть.

— Самый большой компромисс в вашей жизни?

— Ничего такого, за что было бы нестерпимо стыдно, припомнить не могу. Пожалуй, мучительнее всего расставаться с кем-то, с кем долго сотрудничал. Тут уж ничего не поделаешь: чтобы двигаться дальше, надо постоянно что-то менять. Впрочем, тут есть и хорошая сторона. Когда-то Алла ушла от Раймонда Паулса — песни «Еще не вечер» и «Вернисаж» сделали знаменитой Лайму. Короче, все к лучшему.

— Назовите любимых авторов.

— Назову одного — того, кого уже нет. Это Леонид Дербенев. Думаю, его назовут все, с кем он работал, — а работал он с очень многими. Песни на его стихи озвучили мой ранний период — такие, как «Ты, ты, ты», «Небо и земля», «Атлантида»... Песни, которые до сих пор требуют испол-

нить на концертах.

— Вы любите себя?

— Если бы я себя не любил, меня бы не полюбили зрители. Если бы артист выходил на сцену таким же рядовым, как любой прохожий, не было бы кумиров, не было бы «звезд»...

— Насколько вы следуете моде?

— В одежде стараюсь придерживаться моды, но сочетаю с тем, что удобно мне. Мода последнего года мне не слишком близка. На сцене очень важно чувствовать себя удобно, ибо тогда есть чувство уверенности. Может, потому меня всю жизнь и ругают за мои наряды.

— А в музыке?

— В далеком 1988 году я записал песню «Кармен». Тогда еще в мире не было этого бума, и даже Лена Агутин не завел латиноамериканскую моду у нас. Просто мне всегда нравилась такая тем- пераментная музыка. С годами подобные песни накапливались и теперь удачно совпали с мировой тенденцией. Слепо за модой не гонюсь. Если сейчас в моде рэп, это не значит, что я, задрав штаны, брошусь исполнять рэп.

— Многие недоумевают, почему при собственном обширном репер-

туаре вы нередко исполняете чужие хиты?

— Во всем мире это совершенно нормальное явление. Тот же Хампердинк исполнял песню «Битлз», Мадонна поет «Большую Элвиса Пресли, Лайза Минелли — Нью-Йорк, Нью-Йорк» Сина- тры... И только в нашей стране почему-то на это смотрят с подозрением.

— Принято считать, что лучшим все равно остается первое исполнение...

— В свое время Алла Пугачева спела песню Эмилу Димитрову «Арлекино». Многие ли помнят вариант Димитрова? Между прочим, я тоже не перепеваю мегахиты. Скорее наоборот — они становятся таковыми после меня. К примеру, Таркана узнали в России после моего «турецкого» альбома. Исключения составляют «Дилайла» Тома Джонса и «Ливин ла вида лока» Рики Мартина. Но они записывались для «Старых песен о главном», а специфика этой программы требует песен, ставших символами.

— Сами пишете песни?

— Есть у меня композиции, которые я исполняю в кругу близких друзей и пока не решаюсь по-

казать на широкой публике. Как «Свеча горела», которую Алла написала очень давно, а исполнила лишь сейчас — по-моему, блистательно. Она тоже считала, что была не готова к этой песне. Может, годам к сорока и я созрею.

— А современные аранжировки старых шлягеров?

— Наверное, это по-своему интересно. Но не мне.

— Припоминаю, что однажды я заметил вас в крохотной роли в фильме «Исчадие ада». Почему вас до сих пор нет на переднем плане в каком-нибудь блокбастере? Ведь все уже переселилось, даже Борис Моисеев сыграл Риголетто.

— Да вот не складывается никак с кино. Скажем так: с теми, кто предлагает, я работать не хочу — а с кем хочу, те не предлагают. А я очень хочу. Может, потому и все мои клипы такие разные: это мои маленькие роли в кино. Смею думать, у меня неплохо получается. Клип «Мышь», например, многие сочли серьезной психической проблемой. Я вообще всегда считал себя не только певцом, но и актером. Но я надеюсь на будущее. Не так давно Сергей Соловьев сделал

интересное предложение. Теперь все будет зависеть от того, как там у него сложится.

— Расскажите подробнее.

— Нет, пока это все слова.

— Вы суеверны?

— Да. Пока не сяду в поезд, я не скажу «поехали!» Подписал контракт, выпустил диск — и только тогда говорю об этом. Над «испанским» альбомом я работал почти два года, но мало кто об этом знал. Спрашивали: «Что это ты так часто в Мексику едешь?» — «Да так, по магазинам прошвырнуться...»

— Не думали снять фильм на свои деньги? У вас своя студия, вы ни от кого не зависите... Кстати, и сценарий тогда можно было бы выбрать самый-самый.

— Это так же, как в вопросе о мюзикле. После «Метро» меня часто спрашивают, не собираюсь ли я ставить мюзикл. Такая постановка требует полной отдачи времени и сил. Сейчас я не могу себе это позволить. Спродюсировать — мог бы. В России уже два года пытаются поставить знаменитый мюзикл «Нотр-Дам де Пари». Если получится, я надеюсь выступить продюсером этого проекта и получить одну из ролей.

— Стало быть, попытаться о новой программе не имеет смысла?

— Это не имеет смысла прежде всего потому, что я только-только представил свою программу «Вчера, сегодня, завтра...» Я хочу показать это шоу по всей стране, в ближнем и дальнем зарубежье. Мне повезло, что наша страна такая большая. В Болгарии, например, большие залы можно по пальцам перечесть. О новой программе я начну думать года через два-три. Может, это будет что-то совсем другое, акустическое: я захочу показать свое мастерство — и лишь сейчас уберу внешние эффекты... В общем, не будем забегать вперед.

— А сделать свою программу на радио или телевидении?

— На телевидении хотел бы, но некоммерческую...

— Бесперспективно.

— Вот видите, вы лучше меня знаете. Да, время альтруизма и личных знакомств прошло. Все телеканалы в частных руках, надо иметь сотни тысяч долларов, чтобы допустить к разговору с боссом.

— Обычно в этих целях открывается побочный бизнес...

— У меня это было вначале, когда я работал посредником в сфере лесной промышленности. Но после финансового провала журнала «Алла» и особенно — после всем известного скандала с кинотеатром «Форум» у меня нет желания откатываться от своего главного дела.

— Пыталась ли какая-нибудь политическая партия привлечь вас на свою сторону и сделать вашу песню своим гимном?

— Мне не дано быть политическим рефери. Единственный опыт был в девяностом шестом году, когда наряду с другими известными артистами я участвовал в предвыборной кампании Ельцина. Что до песен, то в период наиболее бурных политических страстей у меня были как раз очень легкомысленные песенки — «Зайка», «Голубка»... Олег Газманов подходит гораздо лучше.

— Ваше отношение к новозб- ранным государственным гимну?

— Боюсь, тут я буду необъективен, поскольку автором одного из вариантов гимна была Алла.

— Что сейчас читаете?

— Никак не соберусь прочесть Пелевина и Акунина, о которых сейчас так много говорят. Но оз- накоплюсь обязательно. Зато в который раз перечитываю «Унесенных ветром».

— Неужели вы сентиментальны?

— Представьте, да.

— Нескромный вопрос: вы не боитесь остаться бездетным?

— Я очень серьезно к этому отношусь. Чтобы дети выросли людьми, им нужно отложить всего себя. А я понимаю, что при моей профессии это невозможно. Мой папа в свое время сделал выбор в пользу семьи. Поэтому он не стал вторым Карелом Готтом — хотя мог бы. Я не обладаю такой самоотверженностью.

— Какую музыку вы советуете слушать старшему внуку?

— Он безумно влюблен в Дэлла. Это, в свою очередь, заставляет меня внимательнее присматриваться к этому исполнителю. А вообще Никита всеяден. Сейчас ему очень нравится группа «Манго Джерри»...

— Господи, да откуда же он знает про скиффл семидесятых?

— К нему как-то попал этот диск. Кое-что я подсовываю — Саймона и Гарфанкеля или еще что... Мне кажется, он тяготеет к джазу. Время от времени подбирает что-то на роле. Но систематически музыкой не занимается. Видимо, артистические гены в нем сидят, но он стесняется их выказывать. Как все дети сейчас, он помешан на Интернете, не вылезает из-за персонального компьютера. Десять лет, понимаете ли... Я-то и сейчас с компьютером на «вы».

— Есть ли у вас мечта?

— Я бы хотел побывать на фестивале «Золотой Орфей» в семидесят втором году, после которого мир узнал гениальную певицу Аллу Пугачеву. Увы, там мне быть не довелось, но я был там в девяносто втором. И даже выиграл статуэтку. Этот «Орфей» — самый дорогой из моих призов, дороже всех «Оваций» и «Грэмми»...

— Подводя итоги ушедшего двадцатого столетия, назовите наиболее значимое, с вашей точки зрения, музыкальное событие и лучшего музыканта этого века.

— Событие — фестиваль в Вудстоке. Человек — Алла.

— Напрашивается вопрос: неужели при такой армии поклонников можно хранить верность одной женщине?

— Возможно. Может, потому и поклонников много. Похоже, я вообще одинок по природе. Не люблю менять авторов, аккомпаниаторов... Есть люди, которые работают со мной все пятнадцать лет. Консерваторы по большому счету.

— Мемуары еще не собираетесь писать? Ведь сулят не по количеству прожитых лет, а по объему увиденного.

— Не думал пока. Но я слышал, что некий человек ездит по моим местам, встречается с моими одноклассниками, рассказывает обо мне... и собирается выпустить мою «автобиографию» без моего ведома. Даже интересно посмотреть.

— И последний вопрос: каким бы хотели остаться в памяти людей?

— Кто-то назвал меня Филиппом Лучезарным. Поскольку этот эпитет придумал не я, то без боязни показаться самовлюбленным могу сказать, что хотел бы подольше оставаться именно таким.